

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 25

СМОЛЬНЫЙ УЗЕЛ

Мурат Карадениз

Смольный узел

«Автор»

2026

Карадениз М.

Смольный узел / М. Карадениз — «Автор», 2026

Блокадный Ленинград, 1943 год. В подвалах Смольного находят тело инженера. В его руке — вязаная салфетка с узором, который становится ключом к цепочке убийств. Капитан НКВД Алексей Ухтомский понимает: это не просто смерть, это послание. След ведёт в Смольный собор, где переплелись судьбы трёх императоров. Это место помнит шаги Растрелли, Екатерины II, приказы Павла I, тайные визиты Александра I и даже Пушкина. Что за правду пытались скрыть на протяжении двухсот лет? И почему каждый, кто подходит к разгадке, находит смерть? Алексей должен разгадать этот шифр, пока война и время не стёрли последние нити правды. Спустя десятилетия правнучка Алексея, искусствовед Анна Ухтомская, найдёт в его архиве дело «Смольный узел» и продолжит путь, который не удалось завершить в блокаду. Исторический триллер с детективной линией в наши дни. Каждая книга — отдельное расследование. Можно начинать с любой.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ. «Стена, которой не должно быть»	6
ЧАСТЬ I. «ТЕНИ ПОД СВОДАМИ»	10
ГЛАВА 1. «Труп в кресле»	10
ГЛАВА 2. «Свидетельница»	14
ГЛАВА 3. «Третья нить»	17
ГЛАВА 4. «Ключ, которого нет»	20
ГЛАВА 5. «Комната без окон»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Смольный узел

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Стена, которой не должно быть»

Время: 18 ноября 1941 года, 22:00

Место: Ленинград, Смольный (административное здание), подвальный этаж

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Ленинград в ноябре сорок первого был городом-призраком. Он дышал через раз, каждый вдох давался ему с хрипом, каждый выдох уносил чью-то жизнь. Смольный стоял на набережной, как огромный тёмный корабль, севший на мель. Его окна были заклеены крест-накрест бумажными полосами, которые шевелились на ветру, создавая иллюзию жизни там, где её уже не осталось. Светомаскировка превратила здание в чёрный силуэт, теряющийся в густом, как вата, тумане, ползущем с Невы.

Алексей Ухтомский спускался по лестнице в подвал, и каждый его шаг отдавался глухим металлическим эхом. Он нёс в руке керосиновую лампу — единственный источник света в этом царстве тьмы и сырости. Пламя дрожало, отбрасывая на стены пляшущие тени, которые делали знакомый коридор чужим и враждебным. Запах плесени и старого камня смешивался с холодом, который поднимался откуда-то снизу, из самой утробы здания, и пробирал до костей даже сквозь шинель.

Дежурный, красноармеец с лицом мальчика, почти подростка, ждал его у входа в подвальный этаж. Он стоял, сутулясь, прижимая к груди винтовку, и его зубы выбивали дробь — от холода или от страха, Алексей не стал уточнять.

— Товарищ капитан, — сказал дежурный, голос его сорвался на шёпот. — Я его нашёл. В дальнем коридоре. Там, где стен нет на планах.

Алексей кивнул. Он знал об этом коридоре. Точнее, он знал, что здание Смольного таило в себе множество секретов, о которых молчали чертежи. Восемнадцатый век, Растрелли, фавориты императриц — всё это оставило свой след в стенах этого здания. Но сейчас его интересовало не прошлое. Сейчас его интересовал труп.

— Веди, — сказал он коротко.

Дежурный повернулся и пошёл вперёд, его шаги были быстрыми, почти бегущими. Алексей следовал за ним, стараясь не отставать, хотя ноги вязли в какой-то липкой грязи, покрывавшей каменный пол. Свет лампы выхватывал из темноты сырые стены, покрытые зелёным налётом, ржавые трубы, тянущиеся вдоль потолка, и груды мусора, оставшиеся здесь, наверное, ещё с царских времён.

Они остановились у железной двери, которая была приоткрыта. Дежурный отступил на шаг и указал внутрь:

— Там.

Алексей подошёл к двери, толкнул её плечом и вошёл внутрь. Помещение было небольшим, примерно три на три метра, с низким, давящим потолком. В углу стоял какой-то ящик, покрытый слоем пыли, а на полу, в центре комнаты, лежал человек.

Он лежал на спине, раскинув руки в стороны, будто пытался обнять невидимого собеседника. Его глаза были открыты, но в них уже не было жизни — только стеклянная пустота, которая бывает у тех, кто умер внезапно, не успев осознать, что смерть пришла. Одежда на нём была аккуратной — тёплое пальто, чистый воротник рубашки. Он выглядел так, будто просто пришёл сюда подождать, но что-то пошло не так.

Алексей опустил на корточки и осмотрел тело. Он был следователем уже больше десяти лет, и смерть давно перестала быть для него чем-то необычным. Но этот труп был особенным. Он чувствовал это — каким-то шестым чувством, которое вырабатывается у тех, кто слишком часто имеет дело со смертью.

— Поляков Степан Иванович, — сказал дежурный, стоя в дверях. — Инженер-строитель. Работал в Смольном над схемами коммуникаций.

Алексей не ответил. Он наклонился ближе к лицу покойного и вдохнул. Воздух вокруг тела был странным — сладковатым, с привкусом, который он не мог спутать ни с чем другим. Это был запах горького миндаля. Цианид.

— Отравлен, — сказал Алексей тихо. — Быстро. Безболезненно. Почти.

Он заметил, что правая рука Полякова была сжата в кулак. Он осторожно разжал пальцы — они уже начали коченеть, и это требовало усилий. В ладони инженера лежала вязаная салфетка. Она была небольшой, размером с мужской платок, и сделана из грубой шерстяной нити. На ней был вывязан узор — сложный, симметричный, похожий на часть орнамента.

Алексей взял салфетку, поднёс её к свету лампы. Шерсть была тёплой на ощупь, несмотря на холод в подвале. Узор был искусным — каждая петля была вывязана с почти математической точностью. Но это был не просто орнамент. Алексей чувствовал: это послание. Он не знал, как его прочесть, но он знал, что Поляков держал эту салфетку в руке, когда умирал. Это была его последняя мысль. Его последний след.

Он поднял глаза и осмотрел комнату. Стены были каменными, старыми, с выщербленными кирпичами. Но одна из стен — та, что была напротив двери — выглядела иначе. Она была не такой старой, как остальные. Кирпичи на ней были свежее, светлее, и между ними виднелись следы свежего раствора. Кто-то недавно замуровал здесь проход.

Алексей подошёл к стене и провёл рукой по кирпичам. Они были холодными, но не такими, как остальные. Он нажал на один из них — он чуть-чуть поддался. Стена была не настоящей. Это была маскировка.

— Здесь был проход, — сказал Алексей, не оборачиваясь. — Поляков нашёл его. Он хотел войти. Но кто-то был здесь до него.

Дежурный молчал. Алексей повернулся к нему:

— Ты нашёл его? Или кто-то другой?

— Я нашёл, товарищ капитан. Дежурил наверху. Слышал шум. Спустился — а он уже лежал. Я сразу за вами послал.

Алексей посмотрел на тело Полякова. Шум. Значит, убийца был здесь совсем недавно. Может быть, он всё ещё здесь.

— Ты никого не видел? — спросил Алексей. — В коридоре? На лестнице?

— Нет, товарищ капитан. Только его. И стену.

Алексей кивнул. Он достал из кармана носовой платок, аккуратно завернул в него салфетку и спрятал в карман шинели. Затем он подошёл к телу и наклонился, чтобы проверить карманы Полякова. В левом внутреннем кармане пальто он нашёл небольшой блокнот. Он открыл его — последняя страница была исписана торопливым, почти неразборчивым почерком: «Я нашёл стену. Вход есть. За ней — тайник. Но письма нет. Кто-то был здесь до меня. Я должен спросить у Панкратова. Он знает. Воронцов сказал...»

Запись обрывалась. Алексей перевернул страницу — дальше было пусто. Панкратов. Воронцов. Алексей знал обоих. Панкратов был искусствоведом, работал в Смольном, занимался эвакуацией ценностей. Воронцов был его начальником, полковником, человеком, которому Алексей должен был подчиняться.

«Воронцов сказал...» — что он сказал?

Алексей закрыл блокнот и спрятал его в карман. Он знал, что должен спросить у Панкратова. Но он также знал, что уже слишком поздно. Если Поляков нашёл стену, а Панкратов знал о ней — то Панкратов тоже был в опасности.

Он выпрямился и посмотрел на дежурного:

— Тело не трогать. Я вызову санитаров. Никого не пускать в этот коридор. Это приказ.

Дежурный кивнул, и Алексей вышел из комнаты. Он пошёл по коридору обратно к лестнице, чувствуя, как холод поднимается по ногам, проникает под шинель, забирается под рубашку. Его руки дрожали — от холода или от напряжения, он не знал.

Он уже почти дошёл до лестницы, когда увидел тень. Она скользнула по стене в конце коридора, быстрая и бесшумная, как призрак. Алексей замер. В свете керосиновой лампы он увидел, как фигура в плаще — тёмном, длинном, почти сливающимся с темнотой — движется к чёрному ходу.

— Стой! — крикнул он.

Фигура не остановилась. Она скользнула за поворот, и Алексей бросился за ней. Он бежал по коридору, слыша только собственное дыхание и стук сапог по каменному полу. Он завернул за угол — и увидел пустоту. Фигура исчезла. Только чёрный проём двери в конце коридора, за которым — туман и ночь.

Алексей подошёл к двери и выглянул наружу. Никого. Только снег, падающий на асфальт, и туман, который полз от Невы, закрывая всё вокруг.

Он хотел уже уйти, но заметил что-то на полу. Прямо у порога, на каменных плитах, лежала ещё одна вязаная салфетка. Точно такая же, как та, что он нашёл в руке Полякова. Он поднял её. Узор был другим — не таким, как на первой. Это был другой фрагмент. Часть того же целого, но другая.

Алексей сжал салфетку в руке. Он не понимал, что это значит. Кто-то оставил её здесь. Кто-то хотел, чтобы он нашёл её. Но кто? Фигура в плаще? Или кто-то ещё?

Он спрятал салфетку в карман, рядом с первой. Затем повернулся и пошёл обратно к лестнице. Ему нужно было позвонить начальству, доложить о теле. Ему нужно было найти Панкротова и спросить, что знал Поляков.

Но наверху, в кабинете, ему сказали только одно:

— Дело закрой, Ухтомский. Война. Некогда копаться в подвалах. У нас трупы на Невском каждый день. Поляков — ещё один. Распиши как умер от голода и закрой.

Алексей не стал спорить. Он кивнул, взял бумаги и вышел из кабинета. Но в своём деле он оставил приписку, которую никто не увидит до его смерти:

«Дело Смольный узел. Продолжить после войны. В подвале есть стена, за которой скрывается тайник. В руках Полякова — вязаная салфетка. Узор — часть целого. Найти остальные части. Спросить у Панкротова».

Он закрыл дело и спрятал его в сейф. Затем он снял телефонную трубку и набрал номер Панкротова. Трубка не отвечала.

«Завтра», — подумал Алексей. — «Я поговорю с ним завтра».

Но завтра не наступило. Через три дня Панкротова нашли мёртвым — в его кабинете, с такой же салфеткой в руке.

Алексей вышел из Смольного на морозный ночной воздух. Туман был густым и липким, он оседал на лице, на шинели, на волосах. Алексей сделал несколько шагов в сторону, где стояли санитарные машины, и вдруг замер.

На площади перед Смольным собором — того самого, бело-голубого, который виднелся сквозь туман — стояла женская фигура. Она была одета в белый плащ, который почти не отличался от тумана. Она стояла неподвижно, и казалось, что её лицо было обращено к нему.

Алексей сделал шаг к ней. Он хотел спросить, кто она, что она здесь делает, видела ли она что-то. Но он не успел.

Она исчезла.

Туман сомкнулся вокруг неё, и её не стало — как будто её никогда и не было. Только на снегу, там, где она стояла, осталась белая лента. Шёлковая, тонкая, почти невесомая.

Алексей подошёл и поднял её. Она была холодной, как снег, и гладкой, как шёлк. Он провёл пальцами по её поверхности и почувствовал, что на ней вышит вензель — «Е.А.».

Екатерина Алексеевна? Или Елизавета Алексеевна?

Он не знал. Но он знал, что это знак. Что это не случайность.

Он спрятал ленту в карман, рядом с двумя салфетками, и пошёл прочь от Смольного. Туман окутывал его, и шаги тонули в снегу. Он не знал, что эта ночь станет началом дела, которое будет преследовать его всю жизнь. Он не знал, что правда, которую он ищет, убьёт людей, которые были ему дороги. Он не знал, что белая лента — это знак хранительницы, которая будет появляться перед ним в самые важные моменты его жизни.

Но он знал одно: он должен найти правду. Что бы это ни стоило.

ЧАСТЬ I. «ТЕНИ ПОД СВОДАМИ»

ГЛАВА 1. «Труп в кресле»

Время: 16 июня 1943 года, 08:00

Место: Ленинград, Смольный (административное здание), кабинет Алексея

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Ленинград встречал шестнадцатое июня сорок третьего серым, выцветшим небом, которое нависало над городом, как мокрая вата. Смольный стоял на набережной всё так же — тёмный, настороженный, с заклеенными окнами. Но теперь он был не просто штабом, теперь он был крепостью, вокруг которой кипела война. Где-то далеко, за Невой, ухали зенитки — привычный, почти незаметный звук, который ленинградцы уже научились не слышать, как не слышат собственное дыхание.

Алексей Ухтомский сидел в своём кабинете на втором этаже и смотрел на два дела, разложенных перед ним на столе. Бумаги были старыми, пожелтевшими, с замятыми краями — их перекладывали много раз, и каждый раз они оставляли на пальцах запах пыли и времени. Дело Панкратова и дело Полякова. Два имени, две судьбы, две смерти, разделённые девятью месяцами.

Алексей провёл ладонью по верхней папке. Она была тонкой — слишком тонкой для убийства. Он открыл её и начал перелистывать страницы, хотя знал их почти наизусть.

Панкратов Сергей Владимирович, 1898 года рождения, искусствовед, хранитель музейных фондов, эвакуированных в Смольный в начале войны. Работал с ценностями из пригородных дворцов — Павловска, Царского Села, Петергофа. Человек с безупречной репутацией, отец двоих детей, эвакуированных в Сибирь, муж, который каждую неделю писал жене письма и получал ответы через Дорогу жизни.

Панкратов не был военным. Он был гражданским, призванным на работу в Смольном по мобилизации. У него были тонкие пальцы, он привык обращаться с хрупкими вещами — фарфором, бронзой, старыми книгами. Он не умел держать оружие, и его руки дрожали, когда он подписывал акты и описи.

И его убили.

Алексей перевернул страницу. Протокол осмотра места происшествия: кабинет Панкратова, вторник, 15 июня, 18:30. Тело обнаружено дежурным в кресле, руки сложены на груди, глаза закрыты. Смерть наступила от остановки дыхания в результате отравления цианидом. На лице застыло выражение покоя — не ужаса, не боли, а какого-то странного облегчения, словно Панкратов ждал этого момента и встретил его с достоинством.

Но одна деталь заставила Алексея задуматься. В описи имущества, изъятых с места происшествия, была запись: «вязаное полотно (салфетка) с геометрическим орнаментом». Но когда Алексей получил дело, салфетки в нём не было. Её изъяли. Кто-то забрал её до того, как дело попало к нему.

Алексей закрыл дело Панкратова и открыл дело Полякова. Степан Иванович Поляков, инженер-строитель, 1903 года рождения. Работал над схемами подземных коммуникаций Смольного — старыми, ещё с царских времён, которые нужно было адаптировать для нужд штаба. Поляков был человеком практичным, он любил точность и ненавидел неопределённость. Он не оставил после себя записок, только чертежи — и одну вязаную салфетку, которую Алексей нашёл в его руке.

Алексей потянулся к ящику стола, открыл его и достал свёрток. На свет керосиновой лампы он развернул носовой платок, в который завернул салфетку в ту ночь в ноябре сорок первого. Она лежала перед ним — грубая шерсть, небрежно вывязанные петли, сложный, почти математический узор, в котором чувствовалась рука мастерицы. Он придвинул к ней вторую салфетку — ту, что нашёл на пороге чёрного хода, когда преследовал фигуру в плаще. Он положил их рядом.

Узоры были разными.

Алексей нахмурился. Он ожидал, что они совпадут — или хотя бы будут похожи. Но нет. Это были два совершенно разных фрагмента. Первый — с геометрическим орнаментом, похожим на звёзды или кресты. Второй — с волнистыми линиями, которые напоминали волны Невы. Он попытался совместить их, приложить друг к другу — они не сходились.

Значит, частей было больше. Как минимум три, а может быть, и четыре. Каждая салфетка — часть целого, фрагмент карты или послания, которое нужно было расшифровать. Но кто их создал? И зачем?

Алексей откинулся на спинку стула и потёр переносицу. За окном снова ухнула зенитка, и где-то далеко, на Петроградской стороне, раздался глухой взрыв — очередной обстрел. Стекло в окне чуть задрожало, по его поверхности пробежала рябь, как по воде от брошенного камня.

Он посмотрел на фотографию Панкратова, приложенную к делу. На ней был изображён мужчина лет сорока пяти с умными, усталыми глазами и тонкими губами, сложенными в лёгкую, чуть заметную улыбку. Он выглядел так, будто знал что-то, чего не знали другие.

Панкратов работал с эвакуированными ценностями. Он знал о тайниках, о том, что прятали и вывозили из Ленинграда в первые месяцы блокады. Он имел доступ к архивам и мог найти то, что другие не замечали. И он нашёл что-то — то, что стоило ему жизни.

Алексей перечитал последнюю запись в деле Панкратова. Она была сделана за два дня до смерти: «Завтра встречусь с источником. Возможно, я наконец найду ответ. Если я не вернусь — ищи в салфетке».

Алексей сжал челюсти. Источник. Значит, у Панкратова был информатор — кто-то, кто знал о тайне и хотел её раскрыть. Кто этот человек? Он ещё жив? Или его уже убили, как и всех, кто подходил слишком близко к правде?

Алексей взял со стола блокнот Полякова — тот самый, который он нашёл в кармане инженера — и перечитал последнюю запись: «Я нашёл стену. Вход есть. За ней — тайник. Но письма нет. Кто-то был здесь до меня. Я должен спросить у Панкратова. Он знает. Воронцов сказал...»

Воронцов.

Алексей поднял глаза. Полковник Воронцов был его начальником — человеком, которому он должен был подчиняться, от которого зависела его карьера и его жизнь. Воронцов был жёстким, прагматичным, он не терпел сантиментов и не любил, когда его подчинённые совали нос в дела, которые их не касались.

Но здесь что-то не сходилось. Если Воронцов был причастен к убийству Полякова, почему он оставил Панкратова живым? Или он просто ждал, пока Панкратов сам раскопает правду, чтобы потом убрать и его?

Алексей вспомнил, как в ноябре сорок первого Воронцов приказал ему закрыть дело. «Война, Ухтомский. У нас трупы на Невском каждый день, а ты копаешься в подвалах». Тогда Алексей подчинился. Но сейчас, полтора года спустя, он понимал, что это был не просто приказ. Это было прикрытие.

Он вспомнил ту ночь. Туман над Невой. Тело Полякова в подвале. Салфетку в его руке. Фигуру в плаще, которая скользнула в темноту. Вторую салфетку на пороге. И женщину в белом на площади перед Смольным собором — она стояла неподвижно, а потом исчезла, оставив на снегу белую ленту с вензелем «Е.А.».

Он не забыл ничего. Каждую деталь, каждый запах, каждый звук. Но он ждал. Он знал, что не может вернуться к этому делу сразу — Воронцов пристально следил за ним, а война давала ему сотню других дел, которые нельзя было откладывать. Он ждал момента, когда появится новая зацепка, новый повод. И он появился — смерть Панкратова.

Теперь он не мог ждать дольше.

Алексей открыл ящик стола и достал маленькую коробку, в которой хранил улики по этому делу. Там уже лежали две салфетки — первая из 1941 года, вторая с порога. Там лежала белая лента с вензелем «Е.А.», которую он поднял на снегу у Смольного собора. Там лежали блокнот Полякова и фотография Панкратова.

Он посмотрел на всё это и понял: он не может остановиться. Даже если Воронцов прикажет ему закрыть дело, даже если ему угрожают, даже если он рискует жизнью — он должен найти правду.

Он встал из-за стола и направился к двери. Ему нужно было поговорить с человеком, который видел Панкратова в день его смерти. С уборщицей Антониной Васильевной, той самой, что работала в Смольном с 1930-х годов и помнила все его секреты.

Он уже взялся за ручку двери, когда заметил странность.

Дверь была приоткрыта.

Алексей замер. Он точно помнил, что закрыл её, когда сел за стол. Он всегда закрывал дверь, когда работал с делами. Это была привычка, выработанная годами службы.

Он отступил на шаг и осмотрел кабинет. Стол — в порядке. Бумаги — лежат так, как он их оставил. Сейф — закрыт. Но дверь...

Он подошёл к двери и посмотрел на пол. На серых, вытертых досках лежала нить. Шерстяная, красная, около десяти сантиметров длиной. Такая же, как на салфетках, которые он нашёл.

Алексей наклонился и поднял её. Она была тёплой — значит, её оставили недавно. Кто-то был здесь. Кто-то стоял в его кабинете, пока он сидел за столом и читал дела. Кто-то вошёл без звука, без шагов, и вышел так же бесшумно.

Но зачем? Чтобы украсть что-то? Чтобы оставить что-то? Или чтобы предупредить его?

Алексей сжал красную нить в кулаке и почувствовал, как внутри него поднимается холодная ярость. Он был следователем, и он не привык, чтобы за ним следили в его собственном кабинете.

Он вышел из кабинета в коридор и посмотрел в обе стороны. Коридор был пуст. Только дежурный сидел в конце, у входа, читая потрёпанную книгу. Алексей подошёл к нему:

— Кто-то входил в мой кабинет?

Дежурный поднял глаза. Это был тот же красноармеец, что дежурил в ноябре сорок первого — теперь он выглядел старше, но в глазах была та же тревога.

— Нет, товарищ капитан. Никто не входил. Я сижу здесь с семи утра.

— Ты уверен?

— Уверен. Я никого не пускал.

Алексей посмотрел на дежурного, затем снова на дверь своего кабинета. Он знал: дежурный не врал. Значит, тот, кто был у него в кабинете, вошёл не через парадный вход. Через чёрный ход. Через подвал. Через коридоры, которых нет на планах.

Он вернулся в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Он смотрел на красную нить, лежащую у него на ладони, и понимал, что это — не случайность. Это — предупреждение.

Кто-то знает, что он взялся за это дело. Кто-то хочет, чтобы он остановился. Или, наоборот, кто-то хочет, чтобы он продолжал — и оставляет ему подсказки.

Алексей спрятал нить в коробку с другими уликами и взял телефонную трубку. Он набрал номер Панкратова — тот номер, который всё ещё был в деле, хотя его владелец уже был мёртв почти сутки.

Трубку никто не взял.

Он положил трубку и посмотрел на часы. 8:47. Он опоздал на допрос на сорок семь минут. Антонина Васильевна уже ждёт его.

Он встал, надел шинель и вышел из кабинета, оставив дверь открытой — пусть тот, кто следит за ним, видит, что он не боится.

ГЛАВА 2. «Свидетельница»

Время: 16 июня 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный (административное здание), комната сторожа

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Комната сторожа находилась в полуподвале, за лестницей, ведущей на первый этаж. Туда вела узкая, тёмная лестница, которую почти никто не использовал — только те, кто работал внизу, кто убирал коридоры, мыл полы, чинил замки и провода. Запах махорки и сырых тряпок витал в воздухе, смешиваясь с чем-то кислым и затхлым — запахом старого дерева, которое десятилетиями впитывало влагу и дым.

Алексей спустился по лестнице и остановился перед дверью. Она была приоткрыта, и изнутри доносился слабый свет керосиновой лампы. Он постучал.

— Войдите, — раздался старческий, дребезжащий голос.

Алексей толкнул дверь и вошёл. Комната была маленькой, примерно два на два метра, заставленной старыми шкафами, вешалками, ящиками с инструментами и тряпками. В углу стояла железная печка-буржуйка, в которой ещё тлели угли, распространяя тепло и запах гари. На столе, покрытом клеёнкой с потёртыми краями, горела керосиновая лампа с закопчённым стеклом.

За столом сидела Антонина Васильевна. Ей было шестьдесят восемь лет — возраст, который в блокадном Ленинграде казался почти невозможным. Она была маленькой, сухонькой, с седыми, редкими волосами, собранными в пучок, и морщинистым лицом, на котором выделялись только глаза — ясные, цепкие, внимательные. Она работала в Смольном с 1930-х годов, и, казалось, знала о здании всё. Каждый коридор, каждую щель, каждую трещину.

— Садитесь, товарищ капитан, — сказала она, указывая на табуретку напротив. — У меня тут тесно, но вы не стесняйтесь.

Алексей сел. Табуретка была шаткой, но он не обратил на это внимания. Он смотрел на Антонину и понимал, что она боится. Её руки дрожали, когда она поправляла край платка, и она избегала смотреть ему прямо в глаза. Она знала, зачем он пришёл. И она боялась говорить.

— Антонина Васильевна, — начал Алексей тихо. — Я знаю, что вы видели Панкратова в день его смерти. Вы последняя, кто говорил с ним перед смертью.

— Говорила, — ответила она хрипло. — Говорила. Да только что с того?

— Расскажите мне, что он сказал.

Она помолчала, перебирая пальцами край платка. За стеной послышались шаги — кто-то прошёл по коридору. Антонина вздрогнула, как от удара. Алексей заметил это и нахмурился.

— Вы боитесь, — сказал он. — Не меня. Вы боитесь того, кто может услышать.

Она подняла на него глаза. В них были страх и усталость.

— Я здесь работаю с тридцатого года, — сказала она. — Видела многое. И при царе, и при советской власти. Люди приходили и уходили. Какие-то вещи оставляли. Какие-то забивали. Но чтобы такое... — она покачала головой. — Панкратов пришёл ко мне в тот день, как обычно. Начал рассказывать про «тайный ход». Я не хотела слушать. Но он говорил и говорил. Он был... взволнован. Не в себе.

— Что именно он говорил?

— Он сказал: «Я нашёл стену, которой не должно быть». Он сказал, что спускался в подвал несколько раз за последнюю неделю. Проверял, искал. Он был уверен, что нашёл вход. Он показал мне схему. Бумага была старой, пожелтевшей. Он рисовал что-то от руки. Я не запомнила всего — только один символ. Круг в центре, а внутри — крест.

Алексей замер. Круг с крестом. Он знал этот символ — он видел его на планах Смольного собора, на старых гравюрах, на фотографиях.

— Вы уверены? — спросил он. — Круг с крестом?

— Уверена, товарищ капитан. У меня глаза ещё хорошие. Я видела этот знак. Я запомнила его. Потому что он был странным. Не для того здания.

Алексей кивнул. Это был символ Смольного собора — храма, который стоял на площади, через дорогу от административного здания. Тот самый, бело-голубой, который он видел в ту ночь, когда убили Полякова. Тот самый, на фоне которого стояла женщина в белом.

— Он говорил что-то ещё? — спросил Алексей. — Может быть, о том, кто был с ним? Или о письмах?

— Письма, — переспросила Антонина. — Он говорил о письмах. Сказал, что там, за стеной, лежит письмо. Очень старое. Он сказал, что это письмо может изменить всё. Что правда, которую мы не знаем, находится там. Но он не успел его найти. Он сказал, что кто-то был там до него. И что это очень опасно.

Алексей сжал челюсти. Это совпадало с тем, что он знал. Поляков тоже говорил о письме. О том, что оно исчезло. О том, что кто-то забрал его раньше.

— Он назвал имя? — спросил Алексей. — Кто был там до него?

Антонина покачала головой.

— Он не сказал. Но он был напуган. Он сказал: «Если я не вернусь — ищи в салфетке». А потом ушёл. Я больше его не видела. Через несколько часов пришли люди и сказали, что он мёртв.

Алексей выпрямился. Салфетка. Опять салфетка. Поляков держал её в руке, когда умер. Панкратов упоминал её перед смертью. Значит, салфетка была ключом — и к тайнику, и к письму.

— Антонина Васильевна, — сказал Алексей медленно. — У вас есть что-нибудь, что могло бы помочь? Может быть, он оставил вам что-то? Или вы видели кого-то, кто подходил к нему перед смертью?

Она задумалась. Её руки дрожали, и она снова поправила платок.

— Я видела... — начала она и замолчала.

— Что вы видели?

— Я видела фигуру. В плаще. Она ходила по коридорам в тот день. Я думала, что это кто-то из ваших. Из НКВД. Но она не заходила ни в один кабинет. Она просто... ходила. И смотрела.

Алексей почувствовал, как по спине пробежал холод. Фигура в плаще. Та самая, которую он преследовал в ноябре сорок первого. Та самая, которая оставляла салфетки на пороге. Она была здесь, когда убили Панкратова.

— Вы видели её лицо? — спросил он.

— Нет. Она стояла в тени. Но я видела её руки. Она держала что-то — белую ткань. Ленту. Она сжимала её в руке.

Белая лента. Алексей вспомнил ту, что нашёл на снегу. Ту, с вензелем «Е.А.». Значит, фигура в плаще и женщина в белом — это одно и то же лицо? Или это разные люди, связанные одной тайной?

— Антонина Васильевна, — сказал Алексей тихо. — Вы мне очень помогли. Если вы вспомните что-то ещё — что угодно, даже самую маленькую деталь — позвоните мне.

Он достал из кармана блокнот, вырвал лист и написал свой номер. Она взяла бумагу дрожащими пальцами и спрятала в карман.

— Товарищ капитан, — сказала она шепотом. — Будьте осторожны. Там, в подвале, что-то есть. Что-то, что люди умирают из-за того, чтобы найти. Не ходите туда один.

Алексей посмотрел ей в глаза и кивнул.

— Не хочу ничего обещать, — сказал он. — Но я буду осторожен.

Он встал с табуретки и направился к выходу. На пороге он обернулся и посмотрел на Антонину. Она сидела неподвижно, глядя на лампу, и что-то шептала про себя. Молитву? Или что-то другое?

Он вышел в коридор и закрыл дверь. В коридоре было темно — единственный источник света был в комнате сторожа, и теперь его не стало. Алексей пошёл к лестнице, и вдруг замер.

В конце коридора стояла фигура. Она была одета в длинный тёмный плащ, который почти сливался с темнотой. Она стояла неподвижно, как статуя, и смотрела в его сторону.

— Стой! — крикнул Алексей.

Фигура повернулась и быстро пошла в сторону подвала. Алексей бросился за ней. Он бежал по коридору, чувствуя, как сердце колотится в груди, как шаги гремят по каменному полу. Он завернул за угол, потом за другой — и остановился.

Коридор был пуст. Фигура исчезла. Только чёрная дверь в конце, ведущая в подвал, была приоткрыта.

Алексей подошёл к двери и выглянул внутрь. Темнота. Только холодный воздух поднимался снизу. Он сделал шаг вперёд, готовый спуститься, но тут заметил что-то на полу.

На серых, вытертых плитах лежал лист бумаги. Алексей поднял его и поднёс к глазам. На листе было написано от руки — торопливым, неразборчивым почерком:

«Ты ищешь не там. Ищи в соборе».

Алексей сжал лист в руке. Собор. Тот самый, бело-голубой, который стоял на площади. Он смотрел на него, когда женщина в белом исчезла в тумане. Он думал о нём, когда читал записи Панкратова. Теперь кто-то оставлял ему подсказку — или заманивал в ловушку.

Он спрятал лист в карман и посмотрел на дверь подвала. Он знал, что должен спуститься туда. Но он также знал, что кто-то ждёт его там. И этот кто-то не хочет, чтобы он нашёл правду.

Или хочет, чтобы он нашёл её слишком поздно.

Алексей повернулся и пошёл обратно к лестнице. Он не пойдёт в подвал сегодня. Сначала — собор. Сначала — ответы.

Но он знал: кто бы ни оставил эту записку, он следит за ним. И он будет продолжать следить.

ГЛАВА 3. «Третья нить»

Время: 17 июня 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Смольный (административное здание), архив

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Архив Смольного располагался на третьем этаже, в помещении, которое когда-то было бальным залом. Теперь здесь стояли высокие металлические стеллажи, заполненные папками, коробками и связками документов, которые накапливались десятилетиями. Окна были заклеены бумажными полосами, и сквозь них почти не проникал свет — только серое, размытое сияние, которое делало комнату похожей на подводную пещеру. Воздух был густым, тяжёлым, пропитанным запахом старой бумаги, пыли, чернил и ещё чего-то — почти неуловимого, похожего на тление времени.

Алексей стоял у одного из стеллажей и перебирал папки. Он искал дело швеи — Марии Фёдоровны, убитой в 1942 году. Он помнил о нём из отчётов, но никогда не видел его лично. Теперь, когда он знал о салфетках и тайнике, это дело становилось важным.

Он нашёл его в нижнем ярусе, почти на полу. Папка была тонкой, с выцветшей надписью на обложке: «Дело № 47-К. Мария Фёдоровна Смирнова, 1887 г.р. Убийство». Алексей взял её в руки и почувствовал, как от бумаги исходит холод — архив был неотапливаемым, как и всё здание.

Он открыл папку и начал читать. Мария Фёдоровна Смирнова, 55 лет, работала в Смольном с 1935 года — шила и чинила шторы, портьеры, обивку мебели. Она была известна как тихая, незаметная женщина, которая никогда не создавала проблем. Её нашли 15 февраля 1942 года в подвале Смольного, в том же коридоре, где позже нашли Полякова. Смерть — от отравления цианидом.

Алексей перевернул страницу. Протокол осмотра места происшествия: тело лежало на спине, руки сложены на груди, глаза закрыты. В левой руке — вязаная салфетка с узором. Салфетка была изъята и отправлена на экспертизу. Но в деле не было никаких результатов экспертизы. Только запись: «Вязаное полотно с геометрическим орнаментом. Узор не идентифицирован».

Алексей нахмурился. Он достал из кармана две салфетки, которые уже хранил — первую, из 1941 года, и вторую, которую нашёл на пороге чёрного хода. Он разложил их на столе перед собой. Потом он перевернул страницу дела и увидел рисунок — копию узора с салфетки Марии Фёдоровны.

Это был третий узор.

Алексей приложил все три салфетки к столу и попытался сложить их вместе. Первая — с геометрическим орнаментом, похожим на звёзды или кресты. Вторая — с волнистыми линиями, напоминающими волны. Третья — с какими-то закруглёнными фигурами, похожими на купола или арки. Он прикладывал их друг к другу, поворачивал, пытался найти, где они соединяются.

Ничего не выходило.

Он откинулся на спинку стула и потёр глаза. Три салфетки — три разных узора. Они не совпадали, не соединялись, не образовывали целого. Значит, частей было больше. Как минимум четыре, а может быть, и пять. Каждая салфетка — фрагмент пазла, который нужно было собрать.

Но кто создал эти салфетки? Кто вывязал на них узоры? И почему они оказались в руках трёх разных людей, которые были убиты одним и тем же способом?

Алексей перечитал дело Марии Фёдоровны. В нём была ещё одна странность. В описи её имущества, изъятого с места происшествия, был указан список вещей — старая сумочка, расчёска, носовой платок, очки. Но не было ни одного письма, ни одной записки. Ничего, что могло бы объяснить, почему она оказалась в подвале.

Он закрыл дело и посмотрел на часы. Было уже три часа дня — он просидел в архиве почти шесть часов. Солнце за окнами давно скрылось за тучами, и в комнате стало совсем темно. Только керосиновая лампа на столе освещала его руки и документы.

Он снова посмотрел на три салфетки, разложенные перед ним. Он знал, что они связаны. Три человека — швея, Панкратов, Поляков — все они нашли по фрагменту. Все они были убиты цианидом. Все они держали в руках вязанные салфетки.

Кто-то собирал их вместе.

Алексей представил, как убийца забирает салфетки с места преступления. У Полякова он не успел — Алексей опередил его. У Панкратова забрал. У Марии Фёдоровны забрал. Значит, у убийцы есть как минимум две салфетки. У Алексея — три. Им нужно было найти остальные.

Но где?

Он посмотрел на полки архива. Тысячи папок, сотни дел, десятки лет истории. Где-то здесь могли быть другие упоминания о вязанных салфетках, о людях, которые находили их и умирали за это. Но как искать? Без системы, без ключа — это было невозможно.

Алексей встал из-за стола и подошёл к окну. Он отодвинул край бумажной полосы и выглянул на улицу. На площади перед Смольным собором было пусто. Только снег и туман, который полз от Невы. Он смотрел на собор и думал о том, что кто-то сказал ему: «Ищи в соборе». Но что искать? Там тоже был тайник? Или там была подсказка?

Он не знал. Но он знал, что должен продолжать.

Он повернулся обратно к столу и начал собирать салфетки. Уже вечерело — за окнами становилось темнее, и свет лампы метался по стенам, заставляя тени плясать в углах. Он уже почти убрал всё в карман, когда заметил что-то в углу комнаты.

Свет.

Точка света — маленькая, оранжевая, — горела в дальнем углу архива. Кто-то курил.

Алексей замер. Он не слышал шагов, не слышал, как открывалась дверь. Но кто-то был здесь, в архиве, вместе с ним. И этот кто-то наблюдал за ним.

— Выходи! — крикнул Алексей.

Точка света погасла. Тишина. Только шум ветра за окнами и далёкий гул зениток. Алексей сделал шаг вперёд, затем ещё один. Он шёл в угол, где горел огонёк, и чувствовал, как сердце бьётся где-то в горле. Он подошёл к стеллажу и заглянул за него.

Никого.

Только окурок на полу. Он лежал на пыльных досках, ещё тёплый, ещё дымящийся. Алексей поднял его и поднёс к свету лампы. Это была папироса с мундштуком — длинная, тонкая, дорогая. Офицерская. Такие курили только старшие офицеры НКВД.

Алексей сжал окурок в кулаке. Он знал только одного человека, который курил такие папиросы. Полковник Воронцов.

Но почему Воронцов был здесь? Зачем он следил за ним в архиве? Что он искал?

Алексей повернулся и посмотрел на дверь. Она была закрыта. Но он точно помнил, что оставил её приоткрытой. Кто-то закрыл её — и вышел через чёрный ход. Или спрятался в темноте.

Он стоял в пустом архиве, сжимая в кулаке тёплый окурок, и понимал, что это не случайность. Воронцов знает, что он здесь. Воронцов следит за ним. И Воронцов, возможно, убил трёх человек, чтобы получить салфетки, которые теперь лежат у Алексея в кармане.

Он спрятал окурок в блокнот и направился к выходу. Он не будет ждать, пока Воронцов сделает следующий шаг. Он должен опередить его. Он должен найти остальные салфетки — и разгадать тайну Смольного узла.

Но для этого ему нужно было идти туда, куда ему сказали.

В собор.

ГЛАВА 4. «Ключ, которого нет»

Время: 18 июня 1943 года, 11:00

Место: Ленинград, Смольный (административное здание), кабинет Алексея

Линия: Блокада | Алексей Ухтомский

Алексей сидел в своём кабинете и держал в руках дело Полякова. Он уже знал его почти наизусть — каждую страницу, каждую пометку, каждый росчерк пера. Но сегодня он смотрел на него иначе. Сегодня он искал то, что упустил раньше.

Инженер-строитель Степан Иванович Поляков был человеком дела, а не слов. Он оставил после себя не письма, не дневники, а чертежи. Тридцать семь листов, испещрённых линиями, цифрами, пометками. Схемы подземных коммуникаций Смольного — старых, забытых, замурованных, залитых бетоном. Поляков изучал их, проверял, сверял с реальностью. И он нашёл то, чего не должно было быть.

Алексей вытащил из дела самый большой лист. Это была схема подвала — начерченная от руки, торопливая, с множеством исправлений. Карандашные линии пересекались, стирались, накладывались друг на друга. Но в центре листа, жирно обведённое красным, было одно место. Помещение, которого не существовало на официальных планах. Тайная комната.

Рядом с ней Поляков написал: «Вход. Требуется ключ».

Алексей нахмурился. Ключ? Он предполагал, что вход замурован кирпичом. Но если нужен ключ, значит, внутри есть замок. Или механизм. Что-то, что открывается только специальным предметом.

Он перевернул лист и посмотрел на оборот. Там были другие пометки — мелкие, почти нечитаемые. Поляков писал карандашом, и линии почти стёрлись. Алексей поднёс лист к свету керосиновой лампы и стал всматриваться.

Он разобрал несколько слов: «стена», «ниша», «сундук», «письма». И в правом нижнем углу, почти у самого края, он заметил странный элемент. Это была не линия, не цифра, не пометка. Это был рисунок.

Вензель.

Алексей прищурился. Вензель был маленьким, нарисованным почти незаметно, как будто Поляков не хотел, чтобы его заметили. Но он был там. Две переплетённые буквы, вычурные, с завитками. Алексей не узнавал их. Это не был вензель Екатерины II — он видел его на документах. Это не был вензель Павла или Александра. Это было что-то другое.

Он потянулся к блокноту и зарисовал вензель на отдельной странице. Потом отложил схему и задумался. Что это за вензель? Кто его оставил? И как он связан с тайником?

За окном послышался гул. Он был далёким, почти незаметным, но Алексей узнал его мгновенно — это был звук немецкого самолёта. Он инстинктивно пригнулся, хотя знал, что кабинет находится на втором этаже и что стены Смольного достаточно толстые, чтобы выдержать удар. Гул нарастал, становился громче, а потом стих — самолёт ушёл в сторону, вероятно, к Ладоге.

Алексей выпрямился и посмотрел на окно. За стеклом мелькнула чья-то тень — дежурный, пробегающий по коридору. Привычная суeta блокадного города. Он вздохнул и снова взял схему.

Ключ. Что это за ключ? Может быть, это был обычный ключ от сундука? Или что-то более сложное? Алексей вспомнил, что в блокноте Полякова была запись о «белой ленте». Возможно, ключом была она? Или салфетка?

Он не знал. Но он знал, что должен спуститься в подвал и осмотреть стену снова. Прошло почти два года с той ночи, когда он нашёл Полякова. Всё это время стена стояла нетронутой. Или нет?

Алексей встал из-за стола и направился к двери. Он взял с собой фонарь — тяжёлый, металлический, с тусклой лампочкой. Он взял лом, который хранился в углу кабинета для таких случаев. И он взял салфетки — все три, которые у него были. Если ключ был в них, он должен был взять их с собой.

Он вышел из кабинета и пошёл по коридору. Дежурный у входа поднял голову и посмотрел на него.

— Товарищ капитан, вы куда?

— В подвал, — коротко ответил Алексей.

— Вам нужно разрешение, товарищ капитан. Полковник Воронцов приказал...

— Полковник Воронцов не запрещал мне работать с делами, — перебил Алексей. — Я спускаюсь по делу. Это не обсуждается.

Дежурный хотел что-то сказать, но замолчал и опустил глаза. Алексей прошёл мимо него и начал спускаться по лестнице.

Лестница была старой, каменной, с вытертыми ступенями. Она вела в подвал, где когда-то хранились дрова и уголь, а теперь стояли ящики с документами и старым оборудованием. Света здесь почти не было — только редкие лампы, которые горели в коридорах. Алексей шёл в темноте, освещая путь фонарём, и чувствовал, как воздух становится холоднее и сырее.

Он дошёл до коридора, где когда-то нашёл Полякова. Стены были такими же — каменными, с выщербленными кирпичами. Пол был покрыт слоем пыли и грязи. Он остановился у места, где когда-то лежало тело инженера. Теперь там было пусто. Только тёмное пятно на полу — след, который не вывелся за полтора года.

Алексей подошёл к стене. Кирпичи были серыми, старыми, с выщербинами и царапинами. Он провёл рукой по их поверхности и нащупал неровность — один кирпич выступал чуть больше остальных. Он нажал на него — он чуть-чуть поддался.

Но в этот момент он заметил кое-что ещё. На кирпичях были свежие царапины. Глубокие, острые, как будто их оставили металлическим инструментом. Алексей прищурился и поднёс фонарь ближе. Царапины тянулись вдоль линии кладки, как будто кто-то пытался поддеть кирпичи и вытащить их.

Он провёл пальцами по царапинам. Они были свежими. Им было не больше двух-трёх дней.

Алексей замер. Кто-то был здесь до него. Кто-то пытался вскрыть стену. И этот кто-то вернулся.

Он повернулся и посмотрел в коридор. Там было темно. Только свет его фонаря выхватывал из темноты стены и пол. Но он слышал шаги — тихие, почти неслышные, но они были. Кто-то ходил рядом с ним.

— Выходи, — сказал Алексей громко. — Я знаю, что ты здесь.

Шаги стихли.

Алексей сжал лом в руке и медленно двинулся вдоль стены в ту сторону, откуда доносился звук. Он шёл медленно, ставя ноги осторожно, чтобы не создавать лишнего шума. Сердце билось где-то в горле.

Он завернул за угол и остановился. Коридор был пуст. Только на полу, прямо у его ног, лежала красная нить — такая же, как та, что он нашёл в своём кабинете.

Алексей наклонился и поднял её. Она была тёплой. Кто-то был здесь всего несколько секунд назад.

Он выпрямился и посмотрел вперёд. Коридор уходил в темноту, и там, в глубине, он видел слабый свет — как будто кто-то шёл с фонарём. Или с лампой.

Алексей не стал ждать. Он побежал.

Он бежал по коридору, слыша только собственное дыхание и стук сапог по каменному полу. Свет впереди двигался — сначала медленно, потом быстрее. Алексей ускорился. Он почти догнал его, когда свет погас.

Он остановился. Вокруг была тьма. Только его фонарь освещал стену перед ним. Он подошёл к ней и увидел, что это был тупик — каменная стена, без дверей, без окон, без ничего.

Но на стене была надпись. Свежая, выцарапанная чем-то острым, почти неразборчивая: «Ты ищешь не там. Ищи в соборе».

Алексей отступил на шаг и почувствовал, как холод пробегает по спине. Та же фраза, что и на записке, которую он нашёл вчера. Кто-то водил его за нос. Кто-то хотел, чтобы он пошёл в собор.

Но зачем? Что там было? И кто оставил эту надпись?

Алексей повернулся и пошёл обратно. Он знал, что сегодня не сможет вскрыть стену. Не сегодня. Сначала — собор.

Он дошёл до кабинета, закрыл дверь и сел за стол. Он смотрел на схему Полякова, на вензель в углу, на царапины на стене, которые он видел только что. И он знал: кто-то следит за ним. Кто-то хочет, чтобы он нашёл правду. Или кто-то хочет его смерти.

Но он должен был продолжать. Что бы это ни стоило.

ГЛАВА 5. «Комната без окон»

Вре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.